

Вадим Лоткин:

«Кто я, что я...»

Собеседник - 1995 - №29 - с. 13

БЕСЕДКА

Его имя я встречала еще во времена своего увлечения джазом. Потом обнаружила в серии... «Из архивов ресторанной музыки». К ресторанной музыке я отношусь плохо, но это было нечто другое. Я бы назвала это — «русский шансон». Это не то, что волнует сердца бандюг и новых русских. Вадим Лоткин не поет про «братков» и не играет на блатных аккордах. Это гораздо тоньше и изысканнее. Как было, например, у Вертинского. У него есть культура музыкальная и общая, манера и живые инструменты, страсть и настроение. И все «вкусно» и профессионально.

— А ведь в джазе ваша жизнь складывалась удачно — работа у Козлова...

— Но у меня с Козловым были «никакие» отношения. Я был молод, мне был 21 год. Я без большой радости вспоминаю работу у него. Потому ушел и создал свой коллектив, где очень известные музыканты исполняли мою музыку.

— Но работа у Козлова — показатель профессионализма.

— Все это очень спорно. Кстати, я с ним с тех пор не общался — пути не пересекались. У меня было и свое джазовое трио, потом я играл в дуэте с Брилем. А затем — поп-музыка, и я тут же вышел из джазовой тусовки.

— И нашли свое?

— Но я джаз не бросал. Может, это глупо, но я хочу усестись на два стула. Я не могу заниматься джазом отдельно, а этой музыкой отдельно. Мне нравится и то и другое. И там и там я чувствую себя хорошо. Вообще я хотел бы соединить несоединимое. Я хотел бы в одном концерте играть и джаз, и песни. У меня скоро выйдет CD, где я сольно играю на фоне классику — обработки Листа, Шопена, Бетховена.

— Такое встречаю впервые. Долина от-

казалась от джаза. Может, только Дима Маликов иногда «отрабатывает» свое консерваторское образование.

— Я не знаю, кто и что отрабатывает. Я отрабатываю свое. Я и степ еще танцую. Это все — музыка. Я и классику играю. Но есть пианисты, имеющие больше права выступать с ней, чем я. Я хуже их. А джаз я играю хорошо — и имею право выступать. И музыку, как мне кажется, пишу красивую. Я чувствую, на что имею право, а на что — нет. Начал писать музыку для различных звезд, потом все бросил — и стал писать для себя.

— Для каких звезд?

— Я не хотел бы прятаться за их именами. Но когда несколько песен стало хитами, люди стали песни у меня просить. А я не хотел давать. И в 88-м году устроил первый аукцион по продаже песен, пытаюсь проявить себя как делец шоу-бизнеса. Но... прогорел. Была шумная реклама на весь Союз, мне прислали огромное количество песен, я их отобрал и выставил на аукцион. Приглашения разослал всем звездам, которые в основном... не пришли. Потому что в то время песни покупать никто не хотел.

— А сейчас не хотят еще больше.

— Но с моей легкой руки их не хотят, но покупают. И этот этап моей жизни показал, что бизнес — не мое. И я стал заниматься музыкой. Выпустил альбом «Мужчина средних лет», две песни с которого — одноименная и «Тапер» — стали хитами. Пластинка, вышедшая на «Мелодии», переиздавалась трижды, продавалось огромное множество пиратских кассет. И это несмотря на отсутствие «полного курса» рекламы. Появился в «Утренней почте», в «Рождественских встречах» с Пугачевой... И тут я решил подумать, что мне в жизни надо. У меня наступил пятилетний перерыв. Застой. Я исчез. Никто не знал, где я. Кто-то, может, думал, что я умер. А может, это называется «едет крыша». Но мы уехали и обрубили все концы. Мне не нравилась та жизнь, которой я жил до это-

го. Я продал квартиру и купил дом в деревне, в Пушкинском районе. И теперь я — деревенский парень. И ни о чем не жалею. Мы почти пять лет живем в небольшом доме. Не в размере дело — большой я скоро построю. Но там есть участок — это тоже мой дом.

— Понимаю — территория помеченная.

— Да. Я выхожу зимой, люблю пробежаться босиком по снегу. По своему снегу, по своей земле. Это очень серьезно. Баню, гараж сам построил, машина там. Две кавказские овчарки по участку бегают. Я нахожусь в состоянии покоя. А это очень важно для человека. И там я всюю занимаюсь джазом.

— И роля есть в куста... то есть в деревне?

— Два. Огромный концертный «Стейнвэй» и «Блютнер». И я работаю. Музыканту нужен хороший инструмент. Я не играю на электронных клавишных. Сейчас своей любимой «Стейнвэй» пришлось продать, потому что нужно снимать клипы, раскручиваться. Я пять лет работал над созданием нового альбома.

— А жили на что?

— Летом работал на стройке, а зимой «про-

едал жир» и писал, занимался музыкой.

— Как же: пианист, пальцы — и стройка?

— Я не каменщиком работал, а прорабом. Коттеджи строил. Или «бомбил» на машине, извозом занимался. Но не шел работать в музыку.

— Почему?

— Я должен был решить для себя: «Кто я, что я». Как и называется мой плод пятилетнего труда — новый альбом. Стихи — тоже мои, но несколько песен на слова Есенина, Омара Хайяма.

— То, что это зрело, профессионально и чувственно — я убедилась. Но вас не ломает, что вы не новичок в этом стиле? Что встали в очередь уже последним за... теми же звездными-шугутинскими.

— Я ни за кем в очередь не вставал. Пусть в этом жанре работает хоть сотня артистов. Я абсолютно расслаблен по отношению к конкурентам, потому что у меня их нет и мне нечего бояться. Это не спорт, где первое место принадлежит одному. Это музыка, а она настолько многогранна, что конкуренция в ней нет и быть не может.

Людмила ДРУЖИНИНА.

95.92

Лоткин Вадим